
ИДЕИ И ПРАКТИКА

О.Г. ХАРИТОНОВА, А.А. МАЛЬЧЕНКО*

**ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИСТАНЦИЯ И ЛОВУШКИ
ШАНТАЖНОГО ПОТЕНЦИАЛА: СТРУКТУРНЫЕ
ФАКТОРЫ СОЗДАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ
КОАЛИЦИЙ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ**

Аннотация. Традиционное представление об отсутствии необходимости создания правительственных коалиций в президентских системах находит опровержение на примере конкретных политических систем стран Латинской Америки. Более ранние исследования подтверждают, что на процесс формирования партиями коалиций прямое влияние оказывает не столько формально закрепленный дизайн политической системы, сколько характеристики политических партий и институты, обеспечивающие их взаимодействие в рамках данной системы. В данной статье рассматривается феномен создания правительственных коалиций в странах Латинской Америки на примере 11 устойчивых президентских многопартийных систем региона (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Парагвай, Перу, Чили, Эквадор, Уругвай). Цель исследования заключается в выявлении факторов, оказывающих наибольшее влияние на формирование правительственной коалиции в президентской системе. Проведен анализ необходимых условий (NCA) и качественный сравнительный анализ (QCA) для выявления необходимых условий и достаточных конфигураций факторов создания правительственных коалиций в странах Латинской Америки. Выявлены и объяснены

* **Харитонов** Оксана Геннадьевна, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru; **Мальченко Ангелина Александровна**, аспирант Кафедры сравнительной политологии, преподаватель Кафедры государственного управления, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: an.malashenkova@my.mgimo.ru

типичные и девиантные случаи, отражающие логику создания правительственных коалиций в президентских системах. Проведен анализ вероятности вхождения в коалицию отдельных партий. В качестве наблюдений выступают политические партии, участвовавшие в общенациональных выборах последних двух электоральных циклов (2017–2019 гг. и 2021–2024 гг.) и прошедшие порог в 1% мест. По результатам количественного анализа построены модели зависимости включения политической партии в коалицию от ресурсного и позиционного факторов, подтверждена значимость идеологической дистанции, выявлено пороговое значение процента мест партии в нижней палате парламента и обнаружено разнонаправленное влияние коалиционного и шантажного потенциалов партий на вероятность вхождения в коалицию.

Ключевые слова: правительственная коалиция; президентская система; Латинская Америка; идеологическая дистанция; идеологическая поляризация; шантажный потенциал; коалиционный потенциал.

Для цитирования: Харитонов О.Г., Мальченко А.А. Идеологическая дистанция и ловушки шантажного потенциала: структурные факторы создания правительственных коалиций в Латинской Америке // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 103–131. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.06>

Введение

«Коалиционный президентализм» стал в настоящее время «глобальным феноменом», при котором «президенты меньшинства стремятся преодолеть это положение путем создания коалиций для обеспечения большинства в парламенте» [Chaisty, Cheeseman, Power, 2018, p. 24]. Это противоречит классическим представлениям о президентских системах, согласно которым разделение властей не дает стимулов к межпартийному сотрудничеству, «так как парламентские партии не формируют правительство и не несут ответственности за его действия, а межпартийные коалиции формируются до президентских выборов и не являются обязывающими после выборов» [Харитонов, 2012, с. 204]. О.И. Зазнаев указывал, что «межпартийные парламентские коалиции как основа для формирования правительства» характерны только для атипичных президентских систем [Зазнаев, 2005, с. 58]. В латиноамериканских системах многопартийность, фрагментация, волатильность и идеологическая поляризация, большие законодательные полномочия президентов, появление харизматичных лидеров-популистов (новых *caudillo*) часто сочетаются с созданием электоральных и правительственных коалиций. Наличие правительственных коалиций делает президентские системы более устойчивыми, предотвращает случаи досрочного прекращения полномочий президента (перевороты,

импичменты и политические убийства чаще всего происходят в президентских системах, в которых отсутствует вотум недоверия исполнительной власти) и обеспечивает поддержку президента и президентской повестки в парламенте. Согласно М. Инасио, это не просто прагматичный ответ на фрагментацию партийных систем, а «инновация, которая вносит коллегиальные элементы распределения власти (power-sharing) в систему разделения властей, тем самым ограничивая единоличную исполнительную власть президента [Inácio, 2026, p. 24–25].

А. Албала и Л. Коуто выделяют три волны исследований коалиций в президентских системах. Первые работы изучали феномен коалиций и их устойчивость в рамках дискуссии о президентских и парламентских системах. Исследования второй волны анализировали структурные отличия правительственных коалиций в президентских и парламентских системах. В третью волну фокус сместился на партийный состав коалиций, логику распределения портфелей и ротацию министров [Albala, Couto, 2023, p. 2].

Исследователи различают два типа коалиций в многопартийных президентских системах – предвыборные (электоральные) и постэлекторальные: первые понимаются как формализованные до дня выборов договоренности партий о совместном использовании ресурсов и проведении кампании [Albala, Borges, Couto, 2021] с целью победы на выборах, вторые – как правительственные. Фокусом данной статьи являются правительственные коалиции в президентских системах Латинской Америки, определяемые как «группы законодателей, являющихся членами партий, которые занимают посты в правительстве» [Cheibub, Przeworski, Saiegh, 2004, p. 570], сформированном партиями или партийными группами, не входившими в одну электоральную коалицию. При такой концептуализации правительства Уругвая (2024) и Аргентины (2019) не определены как коалиции, так как электоральные коалиции трансформировались в правительственные без привлечения других партий¹.

Основной интерес настоящего исследования вызван отсутствием в литературе ясного ответа на вопрос, какие структурные факторы и сочетания факторов ведут к созданию правительственных коалиций в многопартийных президентских системах, где у лидера сосредоточено достаточно полномочий для формирова-

¹ Robertson K. Yamandú Orsi Wins Uruguay's 2024 Presidential Runoff // AS / COA. – 2024. – Mode of access: <https://www.as-coa.org/articles/yamandu-orsi-wins-uruguays-2024-presidential-runoff> (accessed: 30.03.2026).

ния однопартийного правительства. Чтобы восполнить этот пробел и разобраться, как правительственные коалиции соотносятся с президентскими системами, мы, во-первых, проведем критический анализ подходов к концептуализации правительственных коалиций и факторов их устойчивости; во-вторых, систематизируем предлагаемые подходы для формулирования гипотез исследования; в-третьих, проведем двухуровневый анализ – качественный сравнительный анализ структурных факторов на уровне политических систем и количественный анализ факторов вхождения партий в коалицию на уровне политических партий на примере 11 устойчивых¹ президентских многопартийных систем стран Латинской Америки, составляющих ибероамериканское геополитическое пространство² (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Парагвай, Перу³, Чили, Эквадор, Уругвай). Хронологические рамки исследования охватывают два последних электоральных суперцикла в период с 2017 по 2024 г. [Яковлева, 2018], 2021–2024 [Zovatto, 2020].

Теоретическое основание

Опыт изучения коалиций в парламентских системах обладает эвристическим потенциалом для исследования коалиций в президентских системах, так как разница между этими коалициями «заключается в степени проявления, а не сути явления (in degree, not in kind)» [Cheibub, Przeworski, Saiegh, 2004, p. 576]. Формальные теории коалиций, разработанные на основе анализа парламентских систем, рассматривали коалицию как кооперативную игру между партиями, в которой рациональные акторы, стремясь сокра-

¹ Под устойчивостью в данном исследовании понимается выживание и отсутствие успешной насильственной смены власти.

² Из числа наблюдений исключаются страны, относящиеся к категориям малых государств и микросоударств. Подробнее см.: [Барабаш, 2022].

³ Перу по конституции является президентско-парламентской системой, в которой премьер-министры должны заручиться доверием парламента, и президенты имеют право роспуска парламента. Если ранее право было номинальным, то с 2015 г. парламента три раза выразил недоверие, еще два премьер-министра (последний в марте 2026 г.) покинули свой пост в преддверии вотума. Авторы оставили Перу в списке анализируемых случаев в соответствии с теорией коалиционного президентства, которое характерно для президентских и полупрезидентских систем [Chaisty, Cheeseman, Power, 2018].

тить политические издержки и получить выгоды, формируют минимальную победную коалицию. В теории конфликта интересов Аксельрода коалиции являются небольшими и связанными, состоящими из смежных партий [Axelrod, 1970, p. 169], при этом «коалиции не могут ‘потерять’ ни одного члена, не перестав быть связанными и победными» [ibid., p. 184]. Согласно теории политической дистанции, партии используют коалиции в качестве «инструмента для принятия наиболее предпочтительных политических решений», поэтому из партий, имеющих «близкие (adjacent) политические позиции», формируются «замкнутые коалиции с минимальным радиусом» [De Swaan, 1973, p. 288, 285]. Формальные модели могли объяснить формирование минимальных победных и связанных коалиций, но не могли предсказать появление больших коалиций или коалиций меньшинства.

Партийный торг в президентских системах отличается тем, что «форматором» правительства является глава исполнительной власти – президент, поэтому число возможных коалиционных альтернатив всегда будет меньше, чем в парламентских. Правительство не несет ответственности перед парламентом, и ротация в правительстве не зависит от его доверия – президент делает рациональный (или иррациональный) выбор между назначением однопартийного кабинета или формированием правительственной коалиции. Выбор президента приводит к коалициям «чаще при раздробленном парламенте, в котором партия президента находится в меньшинстве» [Cheibub Przeworski, Saiegh, 2004, p. 576]. Исследование К. Бункера также подтверждает, что рост поддержки президента и увеличение доли мест партии президента уменьшают вероятность правительственной коалиции [Bunker, 2019, p. 181, 192].

Большинство исследователей согласны с тем, что фрагментация партийной системы (ЭЧП и ЭЧПП) влияет на формирование коалиций, однако они приходят к противоречивым выводам. Одни авторы утверждают, что «по мере увеличения числа партий возрастает вероятность формирования многопартийных коалиций» [Chaisty, Cheeseman, Power, 2018, p. 63], другие, наоборот, приходят к выводу, что «вероятность формирования правительственной коалиции возрастает по мере сокращения числа законодательных партий» [Bunker, 2019, p. 181]. Албала заключает, что наиболее жизнеспособными являются «коалиции, созданные в условиях низкой фрагментации партийной системы» [Albala, 2021, p. 361]. Авторы, изучившие партийную фрагментацию в Бразилии, наоборот, констатируют, что большое число малых партий в системе дает больше стимулов для

создания коалиций, так как «мелкие партии не могут выжить без альянсов с крупными» [Calvo, Guarnieri, Limongi, 2015, p. 220]. В условиях сильной фрагментации парламента наличие коалиций в два раза повышает «шансы режима на выживание по сравнению с режимами без коалиций» [Cheibub, Limongi, 2002, p. 166].

На основе анализа парламентских коалиций Мюллер и Стром выделили два фактора коалиционного торга – политический вес партии (доля мест в парламенте) и ее положение в политическом пространстве [Müller, Strøm, 2000 a, p. 7]. В одномерных пространственных моделях медианная партия является предпочтительным партнером по коалиции и становится «делателем королей» (например, СвДП в Германии во второй половине XX в.). Исследования демонстрируют, что «при высоком уровне идеологической поляризации в парламенте коалиции будут минимальными победными, небольшими и включать медианные партии» [Indridason, 2011, p. 713]. В президентских системах центром идеологического пространства является президент, чья позиция может отличаться от медианной партии в парламенте, поэтому в настоящем исследовании мы будем рассматривать дистанцию от партии президента, а не от медианной партии.

В парламентских системах «желание партии войти в коалицию зависит не только от позиции будущих партнеров по коалиции, но и от вероятных альтернативных коалиций» [Indridason, 2011, p. 689]. В президентских системах выбор партий будет ограничен двумя альтернативами: либо коалиция с президентской партией, либо роль оппозиции. Коалиции станут результатом согласия партии с двойным «предложением президента (offer)», которое включает «портфель и политику». Президентское предложение зависит от расстановки сил в парламенте, поэтому президент меньшинства может включить в правительство идеологически близкую партию и противостоять парламентскому большинству, либо включить идеологического противника и приблизить его программу к своей, обеспечив себе поддержку большинства [Cheibub, Przeworski, Saiegh, 2004, p. 576]. Например, в 2022 г. левая партия «Исторический пакт» не получила большинства, и президент Г. Петро заключил договор с правоцентристскими партиями (консервативной, либеральной и U-партией), что обеспечило ему большинство в парламенте¹.

¹ Коалиция с правоцентристскими партиями распалась в апреле 2023 г. из-за идеологических разногласий по политике, что подтверждает важность не-большой идеологической дистанции для сохранения ее устойчивости.

Противоположного взгляда придерживаются Цебелис и Алеман, считающие, что партии, идеологически близкие президенту, будут с большей вероятностью участвовать в правительственной коалиции, так как их участие «обеспечит правительству больше свободы действий в формировании политики» [Aleman, Tsebelis, 2011, p. 7]. Коалиционный выбор президента зависит от расстановки сил в парламенте, идеологии и от намерения выполнить предвыборную программу – поведение, нацеленное на политику (policy-seeking) [Strøm, 1990]. Если партии хотят расширить набор альтернатив, доступных для принятия политических решений (Winset of the status quo), они будут стремиться к минимальным идеологическим расхождениям в правительстве [Tsebelis, Ha, 2014, p. 338].

Большая дистанция партии от центра является структурным ограничителем коалиционного выбора, так как «антисистемные партии или партии-изгои (pariah parties), в том числе популистские и праворадикальные партии, исключаются из коалиционной политики» [Müller, Strøm, 2000 b, p. 569]. В президентских системах такие партии будут исключены в случае их оппозиции президенту или поражения, если они являются президентскими, в остальных случаях их антисистемность и радикализм будут ограничивать возможности участия в коалиции. В исследовании Нето президент с нецентристской идеологией с меньшей вероятностью (на 36,2%) сможет сформировать кабинет большинства, по сравнению с президентом – центристом [Neto, 2006, p. 432]. Если такие президенты привлекают в кабинеты «технократов, друзей (cronies)», целью является не обеспечение законодательной поддержки, а «привнесение в политику экспертного мнения или установление связей с группами интересов» [Neto, 2006, p. 423]. Отдельные исследования показывают, что меньшее влияние на стремление войти в правительственную коалицию оказывают идеология и лояльность, чем «получение коалиционных благ в частных интересах, в том числе в плане распределения бюджетных средств (pork-barrel projects)» [Pereira, Melo, 2012, p. 160], однако эти факторы и другие неформальные договоренности будут исключены из нашего исследования.

На основе проведенного обзора литературы авторы сформулировали шесть гипотез о влиянии структурных характеристик на формирование коалиций на двух уровнях анализа. На страновом уровне (единица анализа – страна / год выборов) будут проверены гипотезы о влиянии формата партийной системы, конфигурации сил в парламенте и архитектуры идеологического пространства. На уровне политических партий (единица анализа – партия / год

выборов) будут проверены три гипотезы о ресурсном весе партий, их положении в идеологическом пространстве и наличии шантажного и коалиционного потенциалов.

Гипотеза 1 (формат партийной системы): фрагментация парламента повышает вероятность формирования правительственных коалиций.

Гипотеза 2 (конфигурация сил): высокие показатели соревновательности и состязательности благоприятствуют появлению правительственных коалиций.

Гипотеза 3 (архитектура идеологического пространства): идеологическая поляризация партийной системы обуславливает формирование правительственных коалиций.

Гипотеза 4 (ресурсная): вес партии в парламенте определяет вероятность ее вхождения в правительственную коалицию.

Гипотеза 5 (пространственная, позиционная): в правительственную коалицию с большей вероятностью войдут идеологически близкие президенту партии.

Гипотеза 6 (стратегическая): высокий коалиционный потенциал и низкий шантажный потенциал детерминируют вероятность включения партии в правительственную коалицию.

Для операционализации независимых переменных авторы используют индексы эффективного числа парламентских партий (формат системы), соревновательности и состязательности (конфигурация сил), идеологической поляризации (идеологическое пространство) (подробнее см. табл. 1). Авторы решили не использовать индекс коалиционной необходимости (Index of Coalitional Necessity), состоящий из двух «структурных ограничений: ЭЧПП и доли мест в нижней палате, не занимаемых партией президента» [Chaisty, Cheeseman, Power, 2018, p. 27–28], так как было решено выявить степень необходимости каждого из этих условий. На уровне политических партий используются доля партии в нижней палате (вес), идеологическая дистанция от партии президента и два стратегических индекса. В рамках данного исследования авторы сконструировали индексы коалиционного потенциала (ИКП) и шантажного потенциала (ИШП) для всех партий, воспользовавшись терминологией Дж. Сартори. По его мнению, «относительную силу (или слабость) сторон можно ранжировать в соответствии с их незаменимостью / заменимостью для коалиции и/или их потенциальной способностью к шантажу» [Sartori, 2005, p. 112].

ИКП и ИШП¹ состоят из двух компонентов: идеологической дистанции партии и индекса влияния Банцафа (ИБ)². ИБ в первом случае разделен на квадрат ИД, во втором – умножен, в случае президентской партии оба индекса равны ИБ. В результате ИКП уменьшается с дистанцией, поощряя идеологически близкие президенту партии, ИШП, наоборот, увеличивается с дистанцией, «штрафуя» партии за удаленные от президента идеологические позиции.

Авторы предположили, что президентские коалиции должны включать партии, находящиеся на расстоянии не далее 2 пунктов от президента. Центристские тенденции и коалиционный потенциал идеологически близких президенту партий должны способствовать формированию коалиций (зона ИКП на рис. 1). При увеличении индекса шантажного потенциала усиливаются центробежные тенденции, что уменьшает вероятность вхождения в коалицию (зоны ИШП)³.

¹ Авторы не используют индекс коалиционного потенциала Сартори, который рассчитывался на основе коалиционного опыта партий в западных демократиях и Японии в течение большого временного промежутка (1946–1974) [Sartori, 2005, p. 268–269].

² Индекс влияния Банцафа позволяет на основе мест в парламенте выявить все победные коалиции и определить ключевую (pivotal) роль каждой партии по числу ситуаций, в которой ее роль будет решающей. Недостатком индекса является факт равного отношения ко всем вероятным коалициям без учета идеологических позиций партий. Чтобы компенсировать этот недостаток, авторы добавили в индекс влияния идеологическую дистанцию.

³ Авторы предположили, что президенты будут скорее включать в правительственные коалиции партии, находящиеся левее от президента. Это обусловлено тем, что большинство граждан являются католиками, при этом социальная доктрина католической церкви поддерживает демократию как метод достижения общего блага и социальной справедливости (подробнее см.: Харитоновна О.Г. Католицизм и современность: демократия в социальной доктрине римско-католической церкви // Политическая наука – 2013. – № 2. – С.81–9). Согласно Всемирному обзору ценностей, самая большая группа граждан (25–30%) в странах Латинской Америки идентифицирует себя с левым центром (5 баллов по шкале 1–10 в базе ВОЦ). Подробнее см.: World values survey online analysis. – Mode of Access: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (accessed: 08.04.2026).

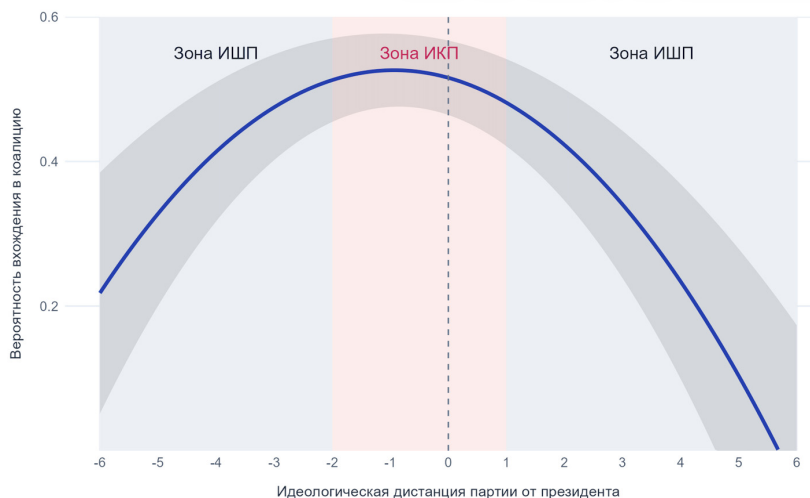

Рис. 1.
**Гипотетическая связь между идеологической дистанцией,
ИКП и ИШП**

Методика исследования

Для проверки гипотез на уровне стран (гипотезы 1–3) авторы использовали метод анализа необходимых условий и качественный сравнительный анализ нечетких множеств [Vis, Dul, 2018], на уровне партий (гипотезы 4–6) – логистический регрессионный анализ.

Были собраны две базы данных¹. Первая база содержит информацию по выборам и коалициям в 11 странах и включает 26 наблюдений, в том числе 10 случаев создания коалиций. Зависимой переменной выступает тип сформированного правительства (коалиция или нет) вновь избранным президентом после проведения всеобщих выборов. Вторая база данных включила 215 наблюдений – политических групп / партий в год выбо-

¹ Харитонов О.Г., Мальченко А.А. Идеологическая дистанция и ловушки шантажного потенциала: структурные факторы создания правительственных коалиций в Латинской Америке // Репозиторий МГИМО. – Режим доступа: <https://open.mgimo.ru/> (дата посещения: 07.06.2026).

ров¹, преодолевших порог в 1% голосов. В качестве зависимой переменной выступал факт участия (неучастия) партии в правительственной коалиции, в качестве независимых – ресурсный, позиционный и стратегический потенциалы партии. Данные по способу операционализации переменных представлены в кодовой книге (табл. 1), описательные статистики – в таблицах 2 и 3.

Таблица 1

Кодовая книга

Переменная	Операционализация	Методика сбора данных
<i>База данных на уровне стран</i>		
Коалиция	Распределение министерских портфель между представителями разных партий	Нет (0) – Да (1)
Формат партийной системы (гипотеза 1)	Степень фрагментации партийной системы (эффективное число парламентских партий)	Индекс ЭЧПП М. Лааксо и Р. Таагерера [Laakso, Taagerera, 1979, p. 4].
Конфигурация сил в парламенте (гипотеза 2)	Соревновательность как уровень электорального успеха небольших партий [Vanhanen, 2003, p. 56]	Индекс Т. Ванханена на основе распределения мест в парламенте
	Состязательность как «отрыв победителя» (margin of victory) Ф. Рэя [Rae, 1971, p. 51]	Инверсия индекса Ф. Рэя на основе распределения мест в парламенте
Архитектура идеологического пространства в парламенте (гипотеза 3)	Идеологическая поляризация как степень идеологического расхождения между партиями по шкале «левый-правый» в зависимости от доли голосов [Dalton, 2021]	Индекс идеологической поляризации Далтона на основе распределения мест в парламенте
<i>База данных на уровне политических партий</i>		
Вес партии (гипотеза 4)	Доля мест партии в нижней палате парламента	Распределения мест по результатам парламентских выборов
Идеологическая позиция партии (гипотеза 5)	Идеологическая дистанция партии от президента	Разница показателей идеологической дистанции между партией и президентом
Стратегический потенциал партии (гипотеза 6)	Индекс коалиционного потенциала	Стандартизированный ИБ, умноженный на квадрат идеологической дистанции.
	Индекс шантажного потенциала	Стандартизированный ИБ, разделенный на квадрат идеологической дистанции

¹ Выбор терминологии обоснован распространенными случаями участия в парламентских выборах не самих партий, а электоральных альянсов, большинство из которых создаются на основании неформальных договоренностей отдельных политических игроков (лидеров партий, групп давления, представителей бизнес-сообществ).

Таблица 2

Описательные статистики для КСА

Переменные	N	Среднее	Ст откл.	Мин	Медиана	Макс
Коалиция	26	–	–	0	–	1 (10 наблюдений)
Фрагментация	26	4,9	3,69	1,17	3,30	16,45
Соревновательность	26	0,64	0,18	0,17	0,61	0,92
Состязательность	26	0,81	0,23	0,12	0,87	0,99
Поляризация	26	0,31	0,08	0,11	0,31	0,49

Таблица 3

Описательные статистики для логистической регрессии

Переменные	N	Среднее	Ст откл.	Мин	Медиана	Макс
Коалиция	215	–	–	0	–	1 (47 наблюдений)
Партия президента	215	–	–	0	–	1
Доля мест	215	11,79	15,28	0,65	5,84	91,34
ИД	215	-0,18	2,69	-5	0	6
ИКП	215	8,78	19,30	1,00	2,11	100,00
ИШП	215	8,44	14,62	1,00	2,98	100,00

Анализ необходимых и достаточных условий

Анализ необходимых условий для формирования коалиций подтвердил необходимость и значимость фрагментации партийной системы, соревновательности, состязательности и поляризации (рис. 2). Были выделены пороги необходимости (бутылочное горлышко – bottleneck) для зоны возможных коалиций: фрагментация > 3 ($p=0,003$), соревновательность $> 0,58$ ($p<0,001$), состязательность $> 0,87$ ($p<0,001$) и поляризация $> 0,28$ ($p<0,001$).

Для формирования коалиций в партийной системе должно быть более трех партий, победившая партия должна получить менее 40% мест, дистанция между партиями, получившими первое и второе места, должна быть минимальной, и поляризация не должна быть низкой. Анализ показал, что эффекты четырех структурных факторов не являются равнозначными при формировании коалиций: фрагментация является слабым условием, соревновательность и идеологическая поляризация – сильными условиями, состязательность – критическим условием. Формирование коалиций является возможным, но необязательным результатом высокой конку-

ренции между политическими партиями, в противном случае создание коалиции невозможно.

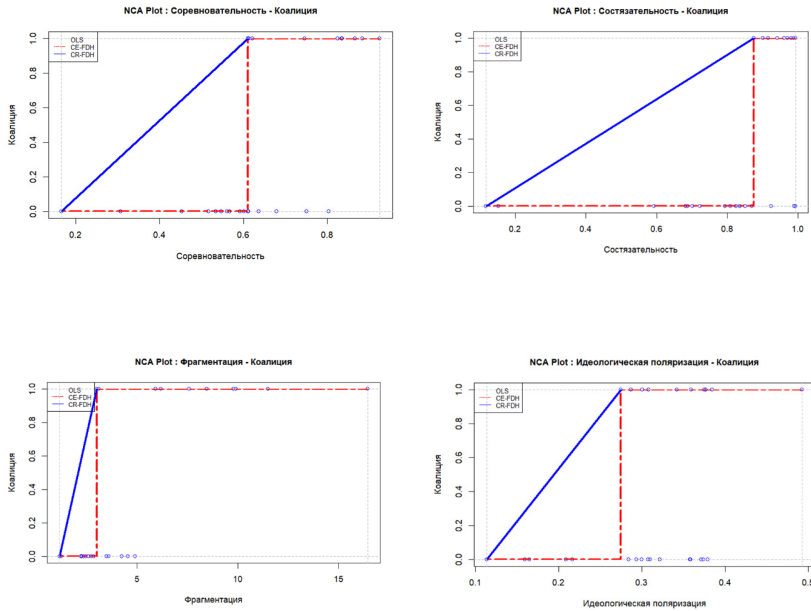

Рис. 2.

Необходимые условия для создания коалиции

Сравнение выделенных порогов с описательными статистиками (табл. 2) показывает, что большинство наблюдений выборки имеют показатель ЭЧПП больше порогового значения (медиана – 3,4), поэтому эффект фрагментации является небольшим. Порог соревновательности является препятствием лишь для одной трети наблюдений (медиана – 0,61), порог идеологической дистанции – для четверти наблюдений (1 квартиль – 0,284), порог состязательности создает заградительный барьер для половины наблюдений (медиана – 0,87). Большинство стран в выборке преодолели пороги фрагментации и соревновательности, но не имеют необходимого уровня состязательности и поляризации.

С целью проведения КСА нечетких множеств для калибровки переменных были взяты пороговые значения необходимости

(см. выше)¹. Проведенный КСА выявил единственную конфигурацию условий, достаточную для формирования коалиций с порогами согласованности и пропорционального снижения несогласованности в 0,613 (порог был снижен ввиду небольшой выборки и большого числа противоречивых наблюдений) и охватом 0,673 (9 наблюдений коалиций):

*Поляризация * Фрагментация * Соревновательность * Состязательность → Коалиция*

КСА показал, что в 61% случаев достаточная конфигурация для создания коалиции включает четыре структурных условия: высокий уровень идеологической поляризации, фрагментации, соревновательности и состязательности. Графически результаты КСА показаны на рисунке (рис. 3), который выявляет 3 кластера в соответствии с методикой проведения КСА нечетких множеств [Schneider, Rohlfing, 2016, p. 52].

- Типичные случаи (правый верхний квадрат над диагональю) характеризуются наличием выделенной конфигурации условий и результата.

- Девиантные по охвату случаи (левый верхний квадрат) имеют недостаточно высокие индикаторы в конфигурации при образовании правительственных коалиций.

- Типичные (иррелевантные) случаи с отрицательным исходом (левый нижний квадрат) не имеют ни конфигурации необходимых условий, ни результата.

Страны в первом кластере подтверждают гипотезу о достаточности выделенной конфигурации факторов для формирования коалиций. Их отличают высокие показатели по четырем индексам, превышающие порог необходимости: фрагментация более 6, соревновательность > 0,70, состязательность > 0,9 и поляризация > 0,3. Эти кейсы подтверждают вывод, что коалиция является необходимостью в условиях высокой поляризации и состязательности, когда президентские партии получают меньшинство в парламенте (5 из 6 получили менее 20%), и президенты вынуждены договариваться с другими, в том числе центристскими и оппозиционными партиями. Широкие коалиции могут препятствовать выполнению президентской программы и вести к смене политического вектора после следующих выборов. Типичным примером являются коалиции в

¹ Пороговые значения калибровки переменных для КСА нечетких множеств: идеологическая поляризация (0,11, 0,28, 0,40), фрагментация (1,2, 3,0, 6,0), соревновательность (0,17, 0,59, 0,80), состязательность (0,15, 0,87, 0,95).

Чили в ходе последних электоральных циклов, когда на смену правоцентристской коалиции С. Пиньеры пришла коалиция левого президента Г. Борича, которую в дальнейшем сменила коалиция правого президента Х. Каста¹.

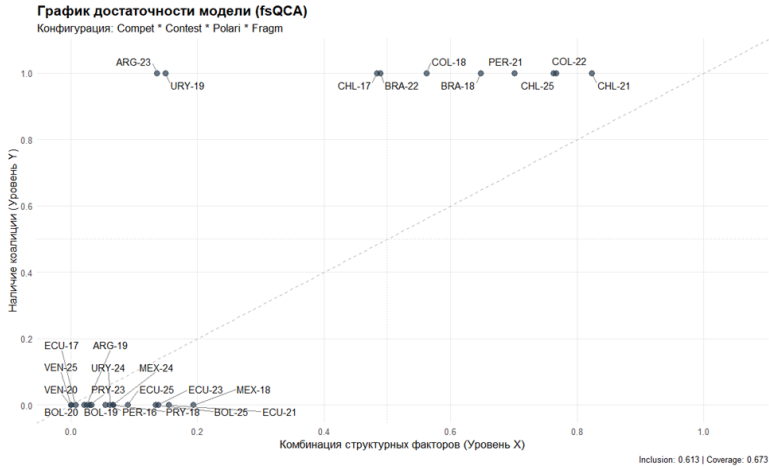

Рис. 3.

Результат качественного сравнительного анализа

Девиантные по охвату случаи имеют пограничные значения по одному или двум показателям: Чили (2017) и Бразилия (2022) отстают по индексу соревновательности, Аргентина (2023) и Уругвай (2019) – по индексам соревновательности и фрагментации. В этом кластере выделяются две логики формирования правительственных коалиций. Во-первых, стратегия выживания, которая была использована Х. Милеем в условиях отсутствия поддержки его партии в парламенте. Министры экономики, обороны и безопасности из партии «Республиканское предложение» (Propuesta Republicana), входившей в правоцентристский блок «Вместе за перемены» (Juntos por el Cambio), получивший 45% мест, были включены как

¹ Необходимо отметить, что кабинет формировался президентом в логике создания правительства независимых министров с привлечением отдельных экспертов из партий-союзниц.

«приглашенные эксперты», а не представители главной оппозиционной силы¹.

Во-вторых, стратегия объединения против правящей политической силы, например коалиции Л. Лакалье Поу против «Широкого фронта» (Frente Amplio), коалиция «Чили, вперед» (Chile Vamos) С. Пиньеры против коалиции М. Бачелет. При высоком уровне фрагментации такие оппозиционные коалиции могут быть очень широкими: в коалицию Л. да Силвы вошли не только левые партии, но и центристы, бывший лидер «Бразильской социал-демократической партии» (PSDB) Ж. Алкмин сменил партию и баллотировался на пост вице-президента в паре с Лулой.

Типичные случаи с отрицательным исходом объясняются наличием доминирующей партии или партии большинства и, соответственно, низкими значениями индексов конфигурации. Из 16 случаев в кластере только пять преодолели порог фрагментации, четыре – порог соревновательности и два – порог состязательности. Примерами являются правительства «Большого патриотического полюса Симона Боливара» (Gran Polo Patriótico Simón Bolívar) в Венесуэле, «Морены» в Мексике, «Колорадо» в Парагвае, «Движения к социализму» (Movimiento al Socialismo) в Боливии до 2025 г. В свою очередь примерами правительственных коалиций, трансформировавшихся из электоральных, выступают «Фронт всех» (Frente de Todos) в Аргентине и «Широкий фронт» в Уругвае.

Количественный анализ

Авторы провели логистический анализ структурных факторов вхождения отдельных партий в коалицию, результаты представлены в табл. 4.

¹ Сотрудничество членов партии «Республиканское предложение» с Х. Милеем вызвало раскол в правоцентристском блоке. Партия «Гражданский радикальный союз» (Unión Cívica Radical) в составе блока «Вместе за перемены» публично отказалась поддержать Х. Милея перед вторым туром президентских выборов. Подробнее см.: Moreno M. Elecciones 2023. Patricia Bullrich confirmó su apoyo a Milei: “Ratificamos los valores del cambio y la libertad, no podemos ser neutrales” // La Nación, 2023. – Mode of access: <https://www.lanacion.com.ar/politica/elecciones-2023-patricia-bullrich-apoyara-a-javier-milei-en-el-balotaje-y-se-diferencia-de-otros-nid25102023/> (accessed: 30.03.2026).

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа

	Модель 1 Ресурсная	Модель2 Позиционная	Модель 3 Стратегическая
Зависимая переменная – вхождение в коалицию			
Константа	0,422*** (0,250, 0,696)	1,918* (0,931, 4,135)	0,184*** (0,09, 0,356)
% мест	1,038 (0,983, 1,094)	1,082** (1,017, 1,154)	1,174*** (1,074, 1,291)
Партия президента	5,321*** (1,585 20,343)	1,078 (0,273, 4,591)	–
ИД	–	1,012 (0,781, 1,316)	–
Квадрат % мест	0,995** (0,992, 0,998)	0,994*** (0,990, 0,997)	0,995*** (0,993, 0,998)
Квадрат ИД	–	0,768*** (0,667, 0,853)	–
ИКП	–	–	1,078*** (1,033, 1,135)
ИШП	–	–	0,878*** (0,784, 0,950)
AIC	211,27	172,52	201,18
AUC (ROC)	0,691	0,8459	0,7868
PCP	0,8	0,805	0,795
N	215	215	215
Логарифмическое правдоподобие	-101,635	-80,261	-95,59

Примечание: в таблице представлены отношения шансов (Odds Ratios) с доверительными интервалами (95%) в скобках; * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. Коэффициент инфляции дисперсии (VIF) в пределах нормальных значений во всех моделях, структурная мультиколлинеарность между долей мест и ее квадратом была преодолена путем центрирования (7,26 снижен до 1,65). Результаты проверки модели 3 при помощи метода Фирта, не показали значимых отличий, поэтому авторы оставили стандартную логистическую модель в качестве основной.

Модель 1 подтвердила ресурсную гипотезу о значимости веса политических партий в парламенте для вхождения в коалицию. Авторы выявили нелинейную связь между долей мест партии и вхождением в коалицию и рассчитали порог (15,8%), до и после которого шансы на вхождение в коалицию уменьшаются. Перевернутые U-образные кривые (рис. 4) демонстрируют снижение вероятности и для партии президента (синяя кривая), и для других пар-

тий (красная кривая). Наиболее значимым предиктором в модели является партия президента, у которой в 5,3 раза больше шансов войти в коалицию по сравнению с непresidentской партией при средней доле мест, что подтверждает «бонус форматора» [Chaisty, Cheeseman, Power, 2018, p. 63]. Если партия получает 40% мест, вероятность формирования коалиции становится минимальной, после 50% – нулевой. Модель показывает, что коалиции являются «игрой» средних партий, которые имеют шанс стать младшим партнером в президентской коалиции. Крупные партии могут представлять как поддержку, так и угрозу для президента, но также могут выбрать роль сильной оппозиционной партии.

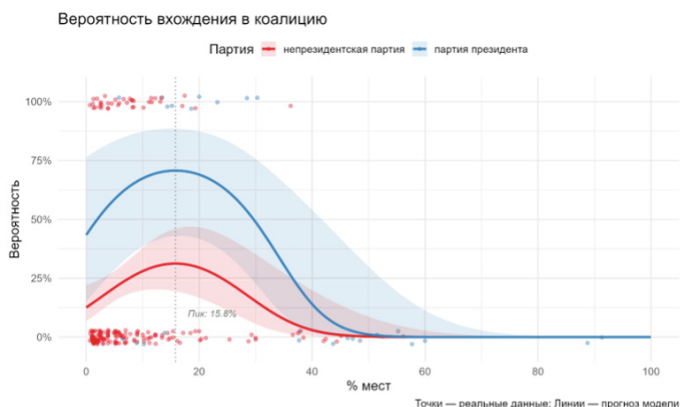

Рис. 4.

Вероятность вступления партий в коалицию

В модели 2 авторы проверили пространственную гипотезу о влиянии идеологической позиции партии. Модель подтвердила нелинейное распределение доли мест и выявила нелинейную связь между идеологической дистанцией партии от партии президента и ее вхождением в президентскую коалицию, но переменная «партия президента» стала незначимой. Рис. 5 демонстрирует снижение вероятности вступления в коалицию для непresidentской партии в зависимости от идеологической дистанции от президента. При этом партия с долей мест 20% имеет больше шансов, чем партии с 10% и 30% при равной идеологической дистанции, что подтверждает обратную U-образную зависимость, выявленную в модели 1.

При большой идеологической дистанции (3,5 и выше) партия не имеет шансов войти в президентскую коалицию независимо от доли мест. Для участия в коалиции средняя по доле мест партия должна находиться недалеко от президента в идеологическом пространстве. При отсутствии идеологических расхождений с президентом вероятность ее вхождения в коалицию достигает 70%, но с увеличением дистанции система «штрафует» партию за отличную от президента позицию.

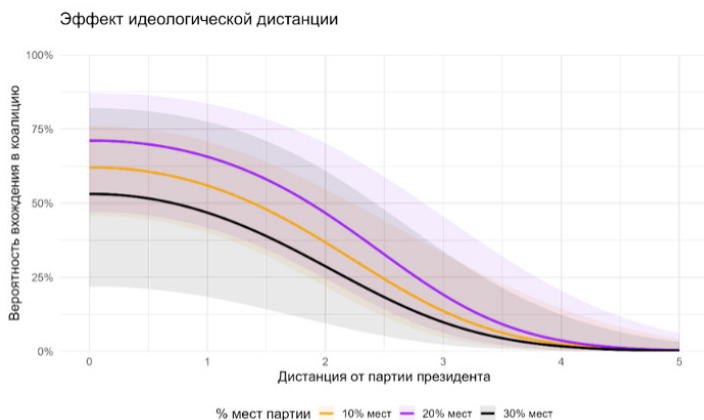

Рис. 5.
**Влияние идеологической дистанции
на вероятность вхождения в коалицию**

Модель 3 была построена с целью проверки стратегической гипотезы о линейном влиянии индексов коалиционного и шантажного потенциалов. Переменная «доля мест» сохранила значимость, подтверждая в третий раз параболическую связь и небольшие шансы маленьких и крупных партий. Стратегические индексы продемонстрировали разнонаправленное влияние на зависимую переменную и оказались значимыми. Увеличение индекса коалиционного потенциала повышает, а индекса шантажного потенциала понижает вероятность вхождения в коалицию (рис. 6¹). ИШП становится «ловушкой»

¹ Прогноз составлен для средней партии в парламенте с долей мест 11,79%. ИКП и ИШП переведены в шкалу от 0 до 1. Широкие доверительные интервалы в центре графика являются следствием отсутствия данных на этом отрезке.

для идеологически далеких непрезидентских партий, которые даже при наличии большого числа мест не будут рассматриваться в качестве возможных партнеров по коалиции. Таким образом, ИШП создает барьер для вступления в коалицию, ИКП, наоборот, стимулирует коалиционирование.

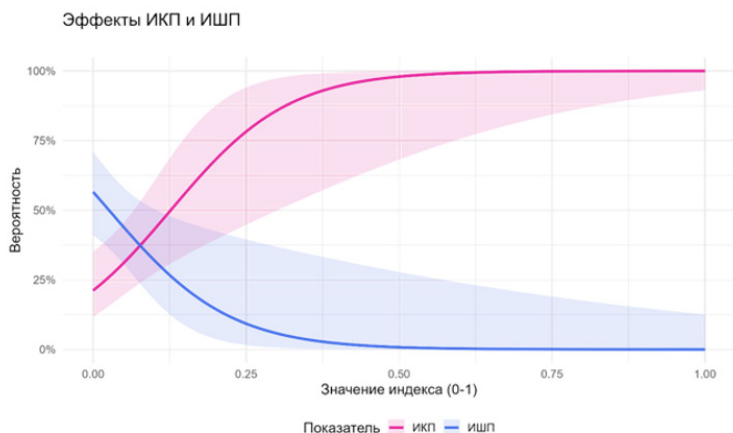

Рис. 6.

Влияние коалиционного и шантажного потенциалов на вероятность вхождения в коалицию

Диагностические показатели (AIC, AUC и логарифмическое правдоподобие) демонстрируют преимущества второй модели, что позволяет сделать вывод о ключевой роли идеологии при формировании правительственных коалиций. Все три модели показали высокую точность прогноза (hit ratio), 80% случаев были верно классифицированы. Однако все модели лучше предсказывают неучастие в коалиции (160–164 верных прогноза), чем участие: первая модель пропустила 39 случаев, вторая – 29, третья – 32. Это может быть связано с тем, что в базе данных в три раза больше случаев участия в коалиции (47), чем неучастия (168).

Результаты количественного анализа подтвердили три поставленные авторами гипотезы. Вес партии, идеологическая позиция партии и стратегический потенциал партии влияют на шансы вхождения в коалицию. В системах с высоким уровнем фрагментации (Бразилия в 2018 и 2022 гг., Чили в 2021 и 2025 гг., Колумбия в 2022 г.) правительственные коалиции включают большое

число некрупных партий с разных сторон идейно-политического спектра.

Например, в первый состав правительства меньшинства, сформированного Ж. Болсонару (2019), вошли представители шести политических партий, получивших не более 11% мест, в том числе «Социальная либеральная партия» (Partido Social Liberal), поддерживавшая президента и обеспечившая ему победу на выборах. В 2022 г. созданная для участия в парламентских выборах (2022) коалиция «Бразильская федерация надежды», объединившая «Рабочую партию» президента с «Коммунистической партией Бразилии» и «Зеленой партией», не сохранилась на этапе формирования кабинета, поэтому правительственная коалиция Л. да Силвы (2023) включила восемь партий, только одна из которых получила 19% мест. Помимо левых партий в правительственную коалицию были включены правые центристы, получившие посты министров планирования и бюджета, шахт и энергетики, коммуникаций, рыболовства и сельского хозяйства, туризма и транспорта¹. Широкие правительственные коалиции часто формируются с участием независимых кандидатов – известных личностей, что в случае с Бразилией отражает популистский стиль руководства. Например, назначенный в 2019 г. министр науки и технологии Бразилии М. Понтес был первым бразильским астронавтом².

Партии, вошедшие в правительственную коалицию в Чили в 2026 г., также не получили больше 15,8% мест в парламенте. «Республиканская партия» (Partido Republicano) президента Х. Каста набрала меньшинство в парламенте (20% мест), что создало институциональную необходимость в распределении министерских постов между представителями различных политических групп. Помимо партийных (8 из 24) в правительстве присутствуют независимые министры (16 из 24), чье доминирование свидетельствует о фор-

¹ Vilela P.R. Lula swears in cabinet members, inks first decrees // Eurasia Review. – 2023. – Mode of Access: <https://eurasiareview.com/03012023-brazil-lula-swears-in-cabinet-members-inks-first-decrees/> (accessed: 30.03.2026).

² Dame L. Bolsonaro confirms astronaut to lead Science, Technology Ministry // Agencia Brasil. – 2018. – Mode of access: <https://agenciabrasil.ebc.com.br/en/politica/noticia/2018-10/bolsonaro-confirms-astronaut-lead-science-technology-ministry> (accessed: 30.03.2026).

мировании «чрезвычайного правительства»¹, главной целью которого Каст объявил выход страны из кризиса.

При формировании правительственной коалиции в Колумбии в 2022 г. президент принял решение о выходе за рамки электоральной коалиции левых сил «Исторический пакт», получившей лишь 14,36% мест в парламенте. Президент меньшинства был вынужден распределить министерские посты между представителями левых и правых политических партий, ни одна из которых не набрала более 15,8% мест в парламенте, за исключением «Колумбийской либеральной партии» (17% мест). Однако единственный представитель этой политической силы, получивший министерский пост, был приглашен президентом Г. Петро в качестве эксперта².

В рассматриваемых странах были случаи, когда в правительственную коалицию входили средние непрезидентские партии с широкой парламентской поддержкой. Например, рассмотренный выше кабинет Х. Милея или кабинет С. Пиньеры (2018), в который вошла непрезидентская партия «Независимый демократический союз» (Unión Demócrata Independiente), имеющая 19,35% мест в парламенте.

Количественный анализ показал, что в случае, когда партия (в том числе президента и непрезидентская) набирает больше выявленного порога, вероятность ее вхождения в правительственную коалицию снижается. Однако в случаях, когда президентской партии противостоит крупная сила с большой долей мест в парламенте, например Уругвайский «Широкий фронт» (42,42%), партии президента (30,3%) пришлось объединять другие политические силы против нее. Президенты, чьи партии имеют парламентское большинство, формируют однопартийные или технократические

¹ Montes R. Chile's president-elect Kast unveils Cabinet: Few party members, business allies and drug tests // El País. – 2026. – Mode of access: <https://english.elpais.com/international/2026-01-21/chiles-president-elect-kast-unveils-cabinet-few-party-members-business-allies-and-mandatory-drug-tests.html> (accessed: 30.03.2026).

² Речь идет о министре юстиции Н. Осуне, профессоре конституционного права, бывшем судье Конституционного суда и судье (Magistrado) Высшего совета юстиции. Подробнее см.: Orbach J. Who's who in Gustavo Petro's cabinet? // AS/COA. – 2022. – Mode of access: <https://www.as-coa.org/articles/whos-who-gustavo-petros-cabinet> (accessed: 30.03.26).

правительства, например в Венесуэле¹, Мексике (2024)², Парагвае³ и Эквадоре⁴.

Значимым фактором включения партии в коалицию, выявленным по результатам количественного анализа, является идеологическая дистанция. Авторы подтвердили гипотезу, согласно которой идеологически близкие к президенту партии с большей вероятностью включаются в правительственные коалиции. Из 38 непрезидентских партий – участниц коалиций 10 совпадали идеологически с президентом, 16 находились на расстоянии 1 пункта в идеологическом пространстве, 9 – на расстоянии 2 пунктов. Только в двух случаях дистанция составила 3 пункта, например, в Колумбии (2022) правительство Г. Петро объединило левые партии с правыми силами, в первую очередь представленными правоцентристской консервативной партией. Это классический случай обеспечения правительственной легитимности за счет включения традиционных системных партий⁵.

Количественный анализ подтвердил стратегическую гипотезу, продемонстрировав, что вероятность включения партии в правительственную коалицию повышается при высоком коалиционном потенциале и низком шантажном. Выявленное соотношение потенциалов было обнаружено у партий – участниц коалиции в Бразилии, Колумбии, Чили, Перу и Уругвае. Как правило, наибольшим коалиционным потенциалом в президентских системах обладают партии, получившие большинство мест и находящиеся не далее 1 пункта в идеологическом пространстве от президента. В настоящей выборке все непрезидентские партии с ИКП выше среднего значения по выборке (7) вошли в коалицию, при этом

¹ Партия президента «Большой патриотический полюс Симона Боливара» (Gran Polo Patriótico Simón Bolívar) получила 88% и 91% мест в парламенте в 2020 и 2025 гг. соответственно.

² Партия президента «Движение национального возрождения» / «Морена» (Movimiento de Regeneración Nacional / Morena) получила 47% мест в парламенте.

³ Партия президента «Колорадо» (Colorado) получила 52,5% и 60% мест в парламенте в 2018 и 2022 гг. соответственно.

⁴ В 2017 г. партийный альянс президента «Паис» (Pais) получил 55% мест, в 2025 г. партия президента «Национальное демократическое действие» (Acción Democrática Nacional) – 43,7%.

⁵ Bonilla J. Petro sella una sólida coalición en el Congreso con el apoyo de los partidos tradicionales // El País. – 2022. – Mode of access: <https://elpais.com/america-colombia/2022-09-08/petro-sella-una-solida-coalicion-en-el-congreso-con-el-apoyo-de-los-partidos-tradicionales.html> (accessed: 30.03.2026).

самый высокий коалиционный потенциал зафиксирован у «Независимого демократического союза» (20,8) в Чили (2017), «Либеральной партии» (26,38) в Чили (2021), «Радикального изменения» (20,07) в Колумбии (2018) и «Колумбийской либеральной партии» (22,38) в 2022 г.

Индекс шантажного потенциала также продемонстрировал эвристическую ценность. Партии с шантажным потенциалом выше среднего значения (8,4) часто не входят в коалицию. Например, в 2017 г. «Социалистическая партия Чили» (23,88), в 2021 г. «Национальное обновление» (32,48) и «Независимый демократический союз» (29,06), в 2025 г. «Широкий фронт» (19,76), «Социалистическая партия Чили» (19,81), «Коммунистическая партия» (19,81). В Перу в 2021 г. наибольшим ИШП обладали не вошедшие в правительственную коалицию партии «Народная сила» (67,26) и «Народное обновление» (36,31).

При этом не все крупные партии, обладавшие значительной поддержкой в парламенте, были включены в правительственные коалиции из-за высокого ИШП, например аргентинский «Союз ради Родины» в 2023 г. при 42% мест. Ресурс этой партии превышал необходимый порог, которого было недостаточно для формирования однопартийного правительства, но шантажный потенциал (30,92) почти в три раза превышал потенциал коалиционный. Пример демонстрирует, что сочетания ресурсного, позиционного и структурного потенциала влияют на принятие решения о включении партии в коалицию. Президентам в анализируемых системах выгоднее включить идеологически близкую партию с достаточной парламентской поддержкой для проведения политики, чем договариваться с крупной оппозиционной силой.

Авторы приходят к выводу, что факторами включения партии в состав правительственной коалиции являются доля мест на уровне 15,8%, идеологическая дистанция от президента, которая должна быть не более 2 пунктов, и индекс шантажного потенциала не должен превышать индекс коалиционного потенциала.

Заключение

В статье была предпринята попытка уточнить факторы формирования правительственных коалиций в президентских системах Латинской Америки во время двух последних электоральных суперциклов.

На уровне стран были подтверждены гипотезы о влиянии формата партийной системы, конфигурации сил и архитектуры идеологического пространства на создание правительственных коалиций в президентских системах. На основе анализа необходимых условий была определена необходимость и выявлены пороги фрагментации, идеологической поляризации, соревновательности и соперничества. С помощью качественного сравнительного анализа была установлена единственная конфигурация структурных факторов, достаточная для формирования коалиции: Поляризация * Фрагментация * Соревновательность * Состязательность. Анализ случаев правительственных коалиций показал, что большинство правительств создаются по модели широких (сверхбольших) коалиций, что объясняется высокой идеологической поляризацией на фоне высокой конкурентности партий: соревновательность и состязательность вынуждают политических акторов объединяться не только с идеологическими союзниками, но и с идеологическими противниками.

Количественный анализ факторов формирования коалиций на уровне партий подтвердил ресурсную, позиционную и стратегическую гипотезы. Анализ выявил пиковое значение доли мест (15,8%), выход за пределы которого снижает вероятность вхождения партии в правительственную коалицию. Было уточнено максимальное значение идеологической дистанции от президента (не более 2), обеспечивающее вхождение партии в коалицию. Анализ подтвердил значимость разработанных авторами индексов коалиционного и шантажного потенциала и выявил их разнонаправленное влияние на вероятность формирования коалиции. Качественный анализ отдельных кейсов продемонстрировал, что в случае с крупными партиями важное значение приобретает не количество мест, а идеологическая позиция, так как крупной партии с высоким ИШП сложнее войти в коалицию.

Авторы проверили прогностические способности третьей модели на примере выборов в Германии¹ в 2021 и 2025 гг. (табл. 5). При составлении индексов в условиях неопределенности идеологической позиции будущего канцлера в качестве референтного значения использовалась медианная позиция, а «бонус президента»

¹ Авторы выбрали Германию, так как ИБ (составная часть ИКП и ИШП) позволяет прогнозировать влияние политических партий при формировании коалиций большинства, что соответствует принципу абсолютного большинства канцлера (Kanzlermehrheit).

(модели 1 и 2) был присвоен партии с наибольшим числом мест. Модель 3 спрогнозировала возможность формирования двух типов коалиций в 2021 г.: «Светофор» или «Ямайка» (что соответствует проведенным партиями переговорам). Партии, сформировавшие коалицию «Светофор» были ближе по индексу коалиционного потенциала (СДПГ – 18,03, ХДС – 22,95, Альянс 90 / Зеленые – 18,03 и СвДП – 14,75), чем партии несформированной коалиции «Ямайка». Модель также показала наибольшую вероятность формирования черно-красной коалиции и наименьшую вероятность для АдГ в 2025 г.

Таблица 5

Проверка прогностического потенциала модели 3

Выборы	Партия	Вероятность вхождения в коалицию
2021	СДПГ	74,85
	ХДС	77,22
	Зеленые	75,15
	СвДП	69,52
	АдГ	16,77
2025	ХДС	82,22
	СДПГ	75,83
	АдГ	2

Авторы признают, что, хотя объяснительный потенциал количественных моделей ограничен, уточнение разработанных индексов для парламентских систем и моделирование вероятности вступления партии в правительственную коалицию на расширенной выборке позволит в дальнейшем оценить их эффективность для анализа парламентских коалиций.

O.G. Kharitonova, A.A. Malchenko*

Ideological distance and the trap of blackmail potential: structural factors of government coalition formation in Latin America

Abstract. Conventional wisdom on the redundancy of coalitions under presidentialism is refuted by political systems in Latin American countries. Earlier studies confirmed that coalition formation process was not directly influenced by political system design, but rather by the characteristics of political parties and institutions that ensure their interaction within the system. The article examines the

* **Kharitonova Oxana**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru; **Malchenko Angelina**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: an.malashenkova@my.mgimo.ru

phenomenon of party coalitions in Latin American presidential and semi-presidential systems on the sample of 11 multiparty consolidated systems (Argentina, Bolivia, Brazil, Venezuela, Colombia, Mexico, Paraguay, Peru, Chile, Ecuador, Uruguay). The study was aimed to assess the impact of structural factors on government coalition formation at the country and party levels. The necessary conditions analysis (NCA) and the fuzzy-set qualitative comparative analysis (QCA) identified necessary conditions and sufficient configuration of coalition building at the country level with typical and deviant cases located and qualitatively described. Logistic regression analysis modeled the probability of individual parties joining a coalition. The 215 party-level observations included political parties, which participated in the national elections of the last two electoral cycles (2017–2019 and 2021–2024) and crossed the threshold of 1% of seats. The study confirmed the hypotheses on the relationship between political party's coalition membership and its structural and positional characteristics, proved the significance of ideological distance from the president, identified the critical seat threshold in the lower chamber and compared the counter-directional influence of the coalition and blackmail potentials of parties on the likelihood of joining the coalition.

Keywords: government coalition; presidential system; Latin America; ideological distance; ideological polarization; blackmail potential; coalition potential.

For citation: Kharitonova O.G., Malchenko A.A. Ideological distance and the trap of blackmail potential: structural factors of government coalition formation in Latin America. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 103–131. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.06>

References

- Albala A. When do coalitions form under presidentialism, and why does it matter? A configurational analysis from Latin America. *Politics*. 2021, Vol. 41, N 3, P. 351–370. DOI: <https://doi.org/10.1177/0263395720950134>
- Albala A., Borges A., Couto L. Pre-electoral coalitions and cabinet stability in presidential systems. *The British journal of politics and international relations*. 2021, Vol. 25, N 1, P. 64–82. DOI: <https://doi.org/10.1177/136914812111056852>
- Albala A., Couto L. Question of timing: pre-electoral coalitions in multiparty presidential regimes. *Brazilian political science review*. 2023, Vol. 17, N 1, Article e0001. DOI: <http://doi.org/10.1590/1981-3821202300010001>
- Aleman E., Tsebelis G. Political parties and government coalitions in the Americas. *Journal of politics in Latin America*. 2011, Vol. 3, N 1, P. 3–28. DOI: <https://doi.org/10.1177/1866802X1100300101>
- Axelrod R. *Conflict of interest: a theory of divergent goals with applications to politics*. Chicago: Markham publishing company, 1970, 216 p.
- Barabash B.A. Relativistic conceptualization of small states via composite indicator of national capability and neighborhood: spatial statistical analysis. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 262–281. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.12> (In Russ.)
- Bunker K. Why do parties cooperate in presidentialism? Electoral and government coalition formation in Latin America. *Revista de estudios políticos*. 2019, N 186, P. 171–199. DOI: <https://doi.org/10.18042/cepc/rep.186.06>

- Calvo E., Guarnieri F., Limongi F. Why coalitions? Party system fragmentation, small party bias, and preferential vote in Brazil. *Electoral studies*. 2015, N 39, P. 219–229. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2015.03.012>
- Chaisty P., Cheeseman N., Power T.J. *Coalitional presidentialism in comparative perspective: Minority presidents in multiparty systems*. Oxford: Oxford university press, 2018, 288 p.
- Cheibub H., Przeworski A., Saiegh S. Government coalitions and legislative success under presidentialism and parliamentarism. *British journal of political science*. 2004, Vol. 34, N 4, P. 565–587. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007123404000195>
- Cheibub J., Limongi F. Democratic institutions and regime survival: parliamentary and presidential democracies reconsidered. *Annual review of political science*. 2002, Vol. 5, N 1, P. 151–179. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.5.102301.084508>
- Dalton R.J. Modeling ideological polarization in democratic party systems. *Electoral studies*. 2021, Vol. 72, Article 102346. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2021.102346>
- De Swaan A. *Coalition theory and cabinet formation: a study of formal theories of coalition formation applied to nine European parliaments after 1918*. Amsterdam: Elsevier, 1973, 347 p.
- Inácio M. Coalitional presidentialism in Latin America: what to learn from it? *Simposio Internacional Innovación Institucional en las Repúblicas del Bicentenario. La democracia latinoamericana a dos siglos del Congreso de Panamá*. 2026, 30 p. Mode of access: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/1_Inacio.pdf (accessed: 30.03.2026).
- Indridason I.H. Coalition formation and polarisation. *European journal of political research*. 2011, Vol. 50, N 5, P. 689–718. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2011.01990.x>
- Kharitonova O.G. Presidentialism and democracy: the state of the debate. *Political science (RU)*. 2012, N 3, P. 199–213. (In Russ.)
- Laakso M., Taagepera R. “Effective” number of parties: a measure with application to West Europe. *Comparative political studies*. 1979, Vol. 12, N 1, P. 3–27. DOI: <https://doi.org/10.1177/001041407901200101>
- Müller W.C., Strøm K. Coalition governance in Western Europe: an introduction. In: Müller W.C., Strøm K. (eds). *Coalition governments in Western Europe*. Oxford: Oxford university press, 2000 a, P. 1–30.
- Müller W.C., Strøm K. Conclusion: coalition governance in Western Europe. In: Müller W.C., Strøm K. (eds). *Coalition governments in Western Europe*. Oxford: Oxford university press, 2000 b, P. 559–592
- Neto O. A. The presidential calculus: executive policy making and cabinet formation in the Americas. *Comparative political studies*. 2006, Vol. 39, N 4, P. 415–440. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414005282381>
- Pereira C., Melo M. The surprising success of multiparty presidentialism. *Journal of democracy*. 2012, Vol. 23, N 3, P. 156–170. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2012.0041>
- Rae D.W. *The political consequences of electoral laws*. New Haven; London: University press, 1971, 203 p.
- Sartori G. *Parties and party systems a framework for analysis*. Colchester: ECPR press, 2005, 341 p.

- Schneider C.Q., Rohlfing I. Case studies nested in Fuzzy-set QCA on sufficiency: formalizing case selection and causal inference. *Sociological methods & research*. 2016, Vol. 45, N 3, P. 526–568. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124114532446>
- Strøm K.A Behavioral theory of competitive political parties. *American journal of political science*. 1990, Vol. 34, N 2, P. 565–598. DOI: <http://www.jstor.org/stable/2111461>
- Tsebelis G., Ha E. Coalition theory: a veto players' approach. *European political science review*. 2014, Vol. 6, N 3, P. 331–357. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1755773913000106>
- Vanhanen T. *Democratization a comparative analysis of 170 countries*. London: Routledge, 2003, 302 p.
- Vis B., Dul J. Analyzing relationships of necessity not just in kind but also in degree: complementing fsQCA with NCA. *Sociological methods & research*. 2018, Vol. 47, N 4, P. 872–899. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124115626179>
- Yakovleva N.M. Electoral supercycle in Latin America: political trends. *Perspectives: an electronic journal*. 2018, N 1 (13), P. 69–80. DOI: <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2018-1-69-80> (In Russ.)
- Zaznaev O.I. Atypical presidential and semi-presidential systems. *Scientific notes of Kazan university. The humanities series*. 2005, N 1, P. 54–69. (In Russ.)
- Zovatto D. Election super cycle in Latin America 2021–2024. *The Euro Latin American journal of social and political analysis*. 2020, Vol. 2, N 3, P. 45–66. DOI: <https://doi.org/10.35305/tr.v2i3.11>

Литература на русском языке

- Барабаш Б.А. Релятивистская концептуализация малых государств с помощью индекса национального потенциала и соседства: пространственный статистический анализ // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 262–281. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.12>
- Зазнаев О.И. Атипичные президентские и полупрезидентские системы // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2005. – № 1. – С. 54–69.
- Харитонова О.Г. Президентство и демократия: состояние дискуссии // Политическая наука. – 2012. – № 3. – С. 199–213.
- Яковлева Н.М. Электоральный суперцикл в Латинской Америке: политические тренды // Перспективы: электронный журнал. – 2018. – № 1 (13). – С. 69–80. – DOI: <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2018-1-69-80>